

вергаетъ критическому разбору попытку Спенсера объяснить происхожденіе нравственныхъ свойствъ природы человѣка путемъ эволюціи. Авторъ говоритъ, что вся теорія эволюціи не заслуживаетъ названія научной; она основана на произвольныхъ догадкахъ и предположеніяхъ. Такимъ же характеромъ въ частности отличается и его ученіе о первобытномъ человѣкѣ и условіяхъ его развитія. Не имѣя почти никакихъ историческихъ данныхъ для изображенія состоянія первобытнаго человѣка, Спенсеръ однако сообщаетъ объ этомъ самыя подробныя и точныя свѣдѣнія и воображаетъ, что его мечты и догадки соотвѣтствуютъ научнымъ требованіямъ и фактическимъ даннымъ. Единственнымъ основаніемъ для изображенія состоянія первобытнаго человѣка служитъ состояніе современныхъ дикарей, какъ оно изображается въ сочиненіяхъ путешественниковъ и миссіонеровъ; но свѣдѣнія почерпаемая отсюда таковы, что никакъ не могутъ служить основаніемъ для теоріи Спенсера о первобытномъ человѣкѣ и легко могутъ быть обращены противъ нея. Въ частности противъ теоріи Спенсера о преобразованіи животнаго, какимъ былъ первобытный человѣкъ, въ существо сознательное, разумно-нравственное и о постепенномъ усовершенствованіи его нравственнаго характера, авторъ указываетъ на то, что Спенсеръ тенденціозно перетолковываетъ свѣдѣнія о жизни дикарей въ пользу своей теоріи и что онъ, при своемъ взглядѣ на человѣка, какъ на животное, никакъ не можетъ объяснить происхожденія и развитія нравственныхъ стремленій, присущихъ человѣческой природѣ. Сюда относящаяся теорія его представляетъ изъ себя попытку вывести нѣчто изъ ничего: утверждать, что нравственныя стремленія были совершенно чужды первобытному человѣку и разнились въ немъ въ продолженіи тысячелѣтій подѣ влияніемъ опыта и внѣшнихъ условій жизни,—не значить ли возстановлять въ области морали давно отринутое въ физиологіи „самопроизвольное зарожденіе“? Предъ глазами животныхъ, въ продолженіи тысячелѣтій проходитъ разумно-нравственная жизнь людей и однако жъ ни одно изъ нихъ не сдѣлалось разумно-нравственнымъ существомъ подѣ влияніемъ этихъ впечатлѣній; тогда какъ многіе дикари въ продолженіи незначительнаго времени развиваются и усовершенствуются и умственно и нравственно. Эта разница объясняется тѣмъ, что въ природѣ животныхъ нѣтъ нравственныхъ задатковъ, которые находятся въ природѣ людей даже неразвитыхъ и дикихъ. Въ заключеніе главы авторъ доказываетъ, что нравственная потребность не есть

эволюціонный наростъ, напротивъ есть изначала вложенная въ нашу природу способность.

Въ *последней* (334—400) главѣ своего сочиненія авторъ съ одной стороны подвергаетъ критическому разбору ученіе Герберта Спенсера о главномъ нравственномъ принципѣ, а съ другой старается показать превосходство христіанскаго ученія о главномъ нравственномъ началѣ предъ ученіемъ эволюціонистовъ о томъ же. Указавъ на то, что при ученіи эволюціонистовъ человѣческая жизнь утрачиваетъ всякій смыслъ и значеніе и, какъ проявленіе необходимыхъ космическихъ законовъ, лишается своего нравственнаго характера, — авторъ обращается къ разбору нравственнаго принципа Спенсера и старается показать, что ни удовольствіе не можетъ быть критеріемъ дѣятельности; ни справедливость наилучшимъ залогомъ человѣческаго благополучія: удовольствіе слишкомъ субъективно, всякимъ понимается по своему и потому не можетъ быть надежнымъ руководителемъ къ правильному пониманію добра и зла; если бы люди руководились такимъ началомъ дѣятельности, то настало бы царство эгоизма, борьбы за существованіе. Что же касается справедливости, то и она не можетъ быть руководительнымъ началомъ нравственной жизни потому, что это — начало формальное, не указывающее сущности добра и зла, не обнимающее всѣхъ силъ человѣка. Наконецъ авторъ доказываетъ, что только любовь къ абсолютному можетъ быть вѣрнымъ руководительнымъ началомъ въ этикѣ.

Сочиненіе г. Полозова, съ содержаніемъ котораго мы только что познакомились, можетъ быть признано трудомъ, исполненнымъ съ значительнымъ усердіемъ и тщательностью. Эти достойныя одобренія качества особенно обнаружены авторомъ въ первыхъ трехъ главахъ сочиненія, содержащихъ изложеніе нравственнаго ученія Герберта Спенсера; изложеніе это отличается полнотою, послѣдовательностью и ясностью. Этими свойствами обладаетъ въ особенности вторая глава, гдѣ раскрывается ученіе Спенсера о происхожденіи морали. Что касается критической части сочиненія, то и ее слѣдуетъ признать вообще удовлетворительной, хотя не всѣ главы этой части сочиненія стоятъ на одинаковомъ уровнѣ достоинства: изъ нихъ лучшею по ясности и послѣдовательности мысли и по силѣ критическихъ замѣчаній, направленныхъ противъ теоріи Спенсера, слѣдуетъ признать пятую главу сочиненія.

Но той и другой части разсматриваемаго сочиненія свойственны

и свои особыя недостатки. Въ первой части сочиненія мы должны указать, какъ на недостатокъ, на то, что здѣсь, при изложеніи ученія Спенсера, авторъ иногда переходитъ границы должнаго, не отличаетъ въ ученіи Спенсера существеннаго отъ несущественнаго, несущественнымъ занимается столько же, сколько и существеннымъ, и потому иногда излагаетъ такія частности и подробности, которыя могли быть опущены безъ ущерба для ясности дѣла; отъ того изложеніе ученія Спенсера по мѣстамъ страдаетъ растянутостью (стр. 43—57; 177—180). Это излишество подробностей мы считаемъ недостаткомъ этой части сочиненія, особенно потому, что и самъ авторъ, указавъ на нихъ въ первой части, оставляетъ ихъ безъ вниманія во второй, не дѣлаетъ относительно ихъ критическихъ замѣчаній. Что касается второй части сочиненія, то въ ней, какъ на недостатокъ, прежде всего нужно указать на неполноту и слабость нѣкоторыхъ ея отдѣловъ. Этотъ недостатокъ можно замѣтить и во нѣкихъ главахъ критической части, но болѣе онъ видѣнъ въ шестой главѣ, въ которой кромѣ того встрѣчаются противорѣчія въ мысляхъ и неисправности въ литературномъ отношеніи. Для подтвержденія своихъ словъ мы укажемъ на слѣдующее.—Въ 3 главѣ своего сочиненія авторъ довольно подробно раскрываетъ ученіе Спенсера о правахъ отдѣльной личности (168—175), но въ 6 главѣ, содержащей критику ученія Спенсера, изложеннаго въ третьей, это ученіе Спенсера оставлено авторомъ безъ всякихъ критическихъ замѣчаній. Также авторъ поступилъ съ ученіемъ Спенсера, изложеннымъ имъ на стр. 43—57 своего сочиненія и съ ученіемъ Спенсера о свободѣ воли и чувствѣ долга.—Что же касается неточности и противорѣчія въ мысляхъ, то этотъ недостатокъ замѣченъ нами тамъ, гдѣ подвергается критическому разсмотрѣнію ученіе Спенсера о справедливости; такъ на стр. 368 справедливость называется „чисто формальнымъ принципомъ безъ всякаго спеціально присущаго ему содержанія“, но на стр. 380 говорится, что „справедливость обнимаетъ собою знаніе того, что нравственно и безнравственно“, слѣдовательно не лишена содержанія. Нельзя признать достаточно сильнымъ и убѣдительнымъ отвѣтъ автора на возраженіе Спенсера, что и стремленіе христіанъ къ вѣчной жизни есть ни что иное, какъ эвдемонизмъ (стр. 359—366). Тоже приходится сказать и о тѣхъ страницахъ сочиненія, гдѣ авторъ старается показать превосходство христіанскаго нравственнаго начала предъ принципомъ Спенсера. Неисправности въ литературномъ отно-

шеніи замѣчены нами здѣсь на стр. 363, 364, 376, 380, 381 и 385.

Но изъ всѣхъ частей разсматриваемаго сочиненія намъ представляется менѣе всего удовлетворительною вступительная. Она не обладаетъ ни основательностью и послѣдовательностью мыслей, ни отчетливымъ опредѣленіемъ задачи сочиненія, не достаточною ясностью и исправностью языка.

Впрочемъ, сейчасъ указанные недостатки сочиненія нисколько не препятствуютъ признать его автора заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

Ординарнаго профессора А. П. Лебедева о сочиненіи студента *Попова Семена*: „Сужденія св. отцевъ и учителей Церкви первыхъ трехъ вѣковъ объ іудействѣ“.

„Сочиненіе не имѣетъ ни предисловія, ни заключенія, такъ, что читатель не знаетъ, какія цѣли и задачи поставляетъ себѣ авторъ и къ какимъ главнымъ выводамъ приходитъ онъ. Въ самомъ началѣ сочиненія авторъ ex abrupto ставитъ заголовокъ: „Посланіе Варнавы“ и съ этого начинается свою рѣчь на вышеуказанную тему. Окончивъ рѣчь о посланіи Варнавы далѣе авторъ ставитъ другой заголовокъ: „Св. Іустинъ“ и пр. Сочиненіе написано очень ясно. Изъ содержанія его открывается, что кромѣ необходимыхъ источниковъ, авторъ знакомъ съ литературой, касающейся тѣхъ церковныхъ писателей, о которыхъ онъ говоритъ; иногда онъ по частнымъ вопросамъ входитъ въ полемику съ тѣми или другими новѣйшими западными писателями и старается установить болѣе правильные взгляды на вопросы. Съ цѣлю дать понятіе о томъ, къ какому результату пришло ваучное движеніе мысли по тому или другому вопросу, авторъ обращается къ позднѣйшимъ церковнымъ писателямъ. напр. къ Григорію Богослову (стр. 54—55), Впрочемъ такъ поступаетъ онъ очень рѣдко. Въ числѣ главныхъ достоинствъ сочиненія нужно поставить сосредоточенность автора на существенномъ и важнѣйшемъ. Къ недостаткамъ сочиненія нужно относить повторенія, какія допускаетъ себѣ авторъ (когда говоритъ о Варнавѣ); лишнее стараніе уяснить, какъ правильнѣе будетъ понимать то или другое ветхозавѣтное мѣсто, своеобразно истолкованное какимъ либо церковнымъ писателемъ данной эпохи (такіе случаи нерѣдки, когда авторъ разсуждаетъ объ Іустинѣ)—такое стараніе тѣмъ менѣе необходимо, что въ большинствѣ случаевъ своеобразность толкованія сама по себѣ понятна и достаточно объясняется обстоятельствами времени; главный же нело-

статокъ сочиненія въ томъ, что оно далеко не кончено: авторъ разсмотрѣлъ, кромѣ Варнавы (стр. 1—60) и св. Густина (стр. 61—238) лишь Иринея Лионскаго (стр. 238—327), между тѣмъ такого рода темы, какъ тема автора, интересы въ церковно-историческомъ отношеніи тогда, когда сочиненіе охватываетъ цѣлый рядъ явленій въ хронологическомъ порядкѣ, ибо только тогда дается возможность судить о ходѣ развитія христіанской мысли и ея метаморфозахъ.

Нужно впрочемъ въ извиненіе автора сказать, что въ его распоряженіи не было ни одного сочиненія, которое могло бы служить болѣе или менѣе опредѣленнымъ руководствомъ для автора. Степени кандидата богословія Поповъ заслуживаетъ“.

И. д. доцента П. П. Соколова о сочиненіи студента *Поски Николая*: „Психологическая граница между человѣкомъ и животнымъ. Къ критикѣ эволюціонизма“.

„Сочиненіе г. Поска состоитъ или, точнѣе, должно было бы состоять изъ методологическаго введенія и четырехъ главъ. Въ первой главѣ, подъ названіемъ: „Установленіе психологическихъ принциповъ животной дѣятельности“, авторъ подвергаетъ критикѣ ученіе эволюціонистовъ объ умѣ животныхъ и ставитъ тезисъ, что всѣ цѣлесообразныя и кажущіяся разумными дѣйствія животныхъ могутъ быть объяснены изъ трехъ причинъ: рефлексовъ, механическихъ ассоціацій и инстинкта. Во второй главѣ онъ разсматриваетъ „дѣятельность животныхъ, характеризуемую преобладаемъ рефлекторной приспособляемости и импульсивныхъ движеній“; къ животнымъ этой категоріи онъ относитъ протистовъ. Въ третьей главѣ авторъ изслѣдуетъ „дѣятельность животныхъ, стоящую въ связи съ ассоціаціей и репродукціей представлений“; къ этой психологической группѣ, по его классификаціи, принадлежитъ міръ высшихъ животныхъ. Четвертая глава, которая осталась ненаписанною, должна была заключать изслѣдованіе „инстинктивной дѣятельности животныхъ“. Такой планъ работы нельзя назвать вполне удачнымъ. Во первыхъ, въ немъ не находятъ мѣста очень важныя вообще и особенно важныя для апологетической задачи автора вопросы о чувствованіяхъ животныхъ. Такъ какъ авторъ не могъ совершенно обойти этого вопроса, то онъ не придумалъ ничего лучшаго, какъ присоединить его изслѣдованіе къ третьей главѣ. Во вторыхъ, данная имъ психологическая классификація животныхъ неточна и отчасти противорѣчитъ нѣкоторымъ его собственнымъ заявленіямъ. Темныя представленія

и элементарныя ассоціаціи нужно приписать не только высшимъ животнымъ, но и протистамъ; а рефлексы и импульсивныя движенія играютъ громадную роль не только въ цѣлесообразной дѣятельности протистовъ, но и въ дѣятельности высшихъ животныхъ. Здѣсь различіе лишь въ степени. Авторъ, какъ сказано, не выполнилъ намѣченную имъ программу. Анализъ, чувствованій животныхъ, присоединенный къ третьей главѣ, представленъ имъ лишь въ формѣ конспекта; для предполагаемой главы объ инстинктѣ нѣтъ даже конспекта: эту главу замѣняютъ пять строкъ, въ которыхъ авторъ набрасываетъ ея общія мысли. Однимъ изъ важныхъ пробѣловъ сочиненія является недостаточное знакомство автора съ теоріей рефлексовъ и произвольныхъ движеній: вслѣдствіе этого нѣкоторыя его объясненія страдаютъ неточностью и неполнотой. Но несмотря на неудачную постановку дѣла и неполноту изслѣдованія, было бы не совѣмъ справедливо сказать, что авторъ мало поработалъ надъ своимъ вопросомъ. Сочиненіе показываетъ, что онъ много читалъ, хотя и не успѣлъ вполне воспользоваться прочитаннымъ. Изученный матеріалъ онъ обрабатываетъ тщательно и съ большою долей самостоятельности. Въ критикѣ эволюціонизма онъ, конечно, не приводитъ новыхъ аргументовъ, но извѣстные доводы группируетъ большею частію умѣло и ясно. Въ выборѣ фактовъ, которыми онъ иллюстрируетъ свое изложеніе и критику, ему почти удалось избѣгать анекдотическаго матеріала, которымъ загромождена область зоопсихологии и который такъ затрудняетъ здѣсь научное изслѣдованіе. Въ объясненіи проявленій душевной жизни животныхъ авторъ руководится тѣмъ справедливымъ (хотя и не вполне ясно сформулированнымъ у него) методологическимъ принципомъ, который уже давно принятъ въ большинствѣ наукъ и лишь начинаетъ пробивать себѣ дорогу въ зоопсихологию, — что ни одно явленіе не должно быть выводимо изъ сложныхъ причинъ, если есть какая-нибудь возможность объяснить его изъ простыхъ факторовъ. Наконецъ, въ литературномъ отношеніи сочиненіе въ большинствѣ случаевъ удовлетворительно. Такимъ образомъ, можно пожалѣть, что авторъ мало сдѣлалъ, ното, что имъ сдѣлано, даетъ ему полное право на кандидатскую степень“.

Ректора Академіи, Архимандрита Антонія о сочиненіи студента *Преображенскаго Николая*: „Христіанскій взглядъ на богатство и бѣдность“.

„Во введеніи къ своему изслѣдованію авторъ выясняетъ современный интересъ темы: зависть бѣдныхъ и жестокосердіе бога-

тыхъ выдвинули ученіе социализма, указывающаго на равномѣрный подѣлъ имущества путемъ революцій, какъ на вѣрвѣйшій и притомъ единственный способъ доставить человѣчеству миръ и счастье. Ученіе это волнуетъ умы, порождаетъ стачки и преступленія; человѣколюбивыя учрежденія правительствъ, церковныхъ властей, представителей религій и братолюбивыхъ ученій мало умягчаютъ напряженные страсти: только то начало можетъ побороть ихъ, которое съумѣетъ измѣнить самые взгляды на жизнь, на богатство и бѣдность. Такіе, невѣдомые поборникамъ социализма, взгляды проповѣдуетъ христіанская церковь; ихъ-то и желаетъ раскрыть авторъ въ трехъ главахъ своего сочиненія по Библии и по твореніямъ знаменитѣйшихъ Отцевъ свв.: Іоанна Златоуста, Василя Великаго, Григорія Богослова и Ниссаго, также Климента Александрійскаго и др. Онъ показываетъ, что необходимо въ данномъ вопросѣ обращаться къ первоисточникамъ священнаго Преданія и Писанія, потому что приведенные имъ отзывы о богатствѣ и бѣдности изъ современныхъ руководствъ по Нравственному Богословію лишены опредѣленности и не свободны отъ внутреннихъ противорѣчій. Ученіе Церкви авторъ распредѣляетъ по тремъ главамъ: 1) значеніе внѣшнихъ условій жизни для спасенія, 2) взглядъ Церкви на богатство и 3) на бѣдность. По этимъ главамъ обнаруживается, что христіанство научаетъ полагать благо жизни единственно въ Богѣ и добродѣтели, пренебрегая такъ называемымъ земнымъ счастьемъ; оно не требуетъ непремѣнной раздачи каждому своего имѣнія и добровольной нищеты, но могущихъ понести такой подвигъ весьма одобряетъ, требуя отъ всѣхъ дѣлиться богатствомъ своимъ съ бѣдными, не полагать въ умноженіи его снотой жизненной цѣли и не надмѣваться имъ. Слова Христовы о томъ, что богатому весьма трудно войти въ царство Божіе постоянно разъяснялись Учителями Церкви чрезъ раскрытіе того, какъ соблазнительно богатство для всѣхъ кромѣ тѣхъ, кто тратитъ его на помощь бѣднымъ, согласно заповѣди. Самое земное счастье вовсе не зависитъ отъ богатства: напротивъ Отцы ясно показываютъ, сколько заботъ и печалей оно приноситъ. Конечно всѣ эти выводы изъ церковнаго ученія—не новы и не отличаются какою-либо безпримѣрной глубиной, но при всей краткости излагаемой работы, нельзя не поставить автору въ похвалу ту тщательность въ выборкѣ нужныхъ для его труда изреченій, съ которою онъ перечитывалъ Библию и многочисленные томы свято-отеческихъ твореній. Остается только пожалѣть, что авторъ,

обладая совершенно сложившимся, сжатымъ и точнымъ стилемъ, не воспользовался своею способностью классификаціи и опредѣленія для того, чтобы извлечь у Св. Отцевъ отвѣты на ближайшіе практическіе вопросы современности, возбуждающіе столько споровъ; напр. возможно-ли, чтобы у добраго христіанина богатство скоплялось и прибывало, дозволено ли заниматься торговлей (Сир. XXVI, 27), пріобрѣтать земли и т. п. Эта неприменимость нравственно-богословскихъ выводовъ къ современной жизни, возбуждавшей у автора интересъ къ самой темѣ, производитъ въ читателѣ впечатлѣніе незаконченности сочиненія. Темъ не менѣе сохраняется его цѣнность, какъ научно-составленнаго библейскаго и свято-отеческаго указателя относительно богатства и бѣдности. Признаю по этому сочиненію достойнымъ степени кандидата богословія“.

Ректора Академіи Архимандрита Антонія о сочиненіи студента *Промптова Василія*: „Нравственное ученіе Святаго Василия Великаго въ связи съ его жизнью и дѣятельностью“.

„Авторъ съ похвальнымъ усердіемъ изучилъ творенія Св. Василія, такъ что составилъ свою характеристику его личности (I часть сочиненія) и его нравственнаго ученія (II-я большая часть) не по монографіямъ, на которыя изрѣдка только ссылается, а на основаніи изученія первоисточника, и даже отчасти греческаго подлинника—въ изреченіяхъ, не ясно переведенныхъ на русскій языкъ.“

Стремленіе къ опредѣленности, ясности и простотѣ — основное свойство изслѣдованія; въ этихъ интересахъ авторъ довольствуется при опредѣленіи личнаго характера Св. Василія указаніемъ тѣхъ чертъ духа, которыя непосредственно и наиболѣе отчетливо обнаруживались въ его отношеніи во первыхъ къ людямъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, а во вторыхъ — къ тѣмъ или инымъ сторонамъ церковнаго управленія. Такимъ образомъ читатель хотя и не вводится въ тайники внутренней жизни великаго Отца, не находитъ въ данномъ изслѣдованіи конечныхъ обобщеній его характера, но за то съ полною основательностью убѣждается въ томъ, что св. Василій былъ миролюбивъ, смиренъ, обладалъ твердой волею, отличался цѣлостностью внутренняго содержанія, всегда предпочиталъ личнымъ интересамъ пользу Церкви, никогда не щадилъ себя ради послѣдней и т. п.

Насколько удалось автору объединить и опредѣлить важнѣйшія черты нравственныхъ воззрѣній церковнаго свѣтила? Успѣхъ та-

кого рода систематизаціи зависить главнымъ образомъ отъ удачнаго подбора точекъ зрѣнія или общихъ рубрикъ; если изслѣдователю удастся уловить или общій складъ формальныхъ понятій разбираемаго писателя или излюбленную идею, проникающую собою въ твореніе послѣдняго, то первому уже легко создать соотвѣтственную и внутренно согласованную систему. Г. Промптовъ, по своей любви къ опредѣленности, удовольствовался системою существующихъ руководствъ по Нравственному Богословію и такимъ образомъ лишилъ читателя возможности уловить центральную идею св. Учителя Церкви. Взамѣнъ того ему предлагаются отвѣты послѣдняго по разнымъ частичнѣйшимъ вопросамъ о духовной жизни, притомъ иногда скорѣе изъ области Догматическаго богословія, нежели Нравственнаго: такъ ему приходится прочесть почти все то, что извѣстно изъ догматики въ отдѣлѣ о паденіи перваго человѣка, о состояніи рода человѣческаго послѣ паденія и объ искупленіи. Этимъ наполненъ средній изъ трехъ отдѣловъ второй части диссертации; первый отдѣлъ обстоятеленъ, но недостаточно характерный: основавія добродѣтели по св. Василию. Впрочемъ здѣсь неопровержимо раскрыты два очень цѣнныхъ положенія: 1) о томъ, что *воис* или разумъ должно понимать у св. Василія не въ смыслѣ теоретической способности, а въ видѣ высшаго синтеза способности созерцательной и рѣшающей, а затѣмъ 2) о томъ, что насколько наше нравственное поведеніе утверждается на убѣжденіи въ бытіи Божіемъ и будущаго воздаянія, настолько же и вѣра въ эти истины находитъ себѣ поддержку нѣ нравственной же волѣ человѣка. Лучшій отдѣлъ сочиненія — третій, составляющій по числу страницъ нѣсколько больше половины всего изслѣдованія. Правда, самая точка зрѣнія здѣсь все-таки не удачна (отношеніе христіанина къ Богу, ближнему и самому себѣ), но взгляды Вселенскаго Учителя на жизнь и отношеніе къ ней христіанскаго подвижника, особенно его борьба со страстями, изложены авторомъ точно и опредѣленно: цѣль жизни по Св. Василию—единеніе съ Богомъ чрезъ совершенство нравственное; все происходящее въ жизни оцѣнивается съ этой единой точки зрѣнія безъ всякой односторонности или узости: все имѣющее нѣчто доброе въ себѣ не отмѣтается Учителемъ Церкви для достиженія высшей цѣли жизни. Степени кандидата сочиненіе г. Промптова вполне достойно“.

Ординарнаго профессора А. П. Лебедева о сочиненіи студента *Равскаго Василія* „Епископъ Порфирій Успенскій (Опытъ біогра-

фіи въ связи съ обзоромъ его учено-литературной дѣятельности)“.

„Имя покойнаго преосвященнаго Порфирія принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ въ исторіи нашего духовнаго просвѣщенія и въ особенности церковно-исторической науки. Этимъ опредѣляется интересъ работы автора. Такъ какъ онъ пишетъ біографію преосвященнаго Порфирія въ связи съ обзоромъ его литературной дѣятельности, то сочиненія этого ученаго разсматриваются авторомъ не въ отдѣльной части, а на ряду съ рассказомъ о его жизни, сообразно хронологіи появленія этихъ сочиненій. Такое обстоятельство даетъ автору поводъ уяснить—въ виду какихъ потребностей времени или личныхъ условій въ жизни преосвящ. Порфирія появился тотъ или другой его трудъ. Сочиненій преосвящ. Порфирія напечатано чрезвычайно много и касаются они разныхъ сторонъ богословской науки; уже самое изученіе ихъ, если оно произведено внимательно, есть не легкій трудъ. Это авторъ сдѣлалъ, и старался о каждомъ сочиненіи ученаго епископа дать болѣе или менѣе обстоятельный или по крайней мѣрѣ ясный отчетъ. Въ виду того, что авторъ не погружается въ мелочи, его сочиненіе читается съ неослабѣвающимъ интересомъ. Конечно, кромѣ ознакомленія съ содержаніемъ сочиненій преосвящ. Порфирія и обстоятельствами ихъ появленія, автору слѣдовало еще заняться критикой ихъ. Но эта сторона дѣла едва предначата нашимъ авторомъ. Одной изъ причинъ, воспрепятствовавшихъ ему заняться этимъ дѣломъ—служить крайнее разнообразіе сочиненій преосвящ. Порфирія. Этотъ ученый, кромѣ церковно-исторической науки, писалъ почти по всѣмъ богословскимъ предметамъ, притомъ писалъ нерѣдко пользуясь рукописями, необнародованными и недоступными для критика. Въ числѣ произведеній преосвящ. Порфирія авторъ почему то особенно недоволенъ „авонскими дневниками“, онъ признаетъ ихъ „чѣмъ-то безалабернымъ“ (?), „до чрезвычайности пестрымъ и во многихъ мѣстахъ нескладнымъ“ (стр. 363). Приговоръ несправедливъ,—не говоримъ уже о вульгарности языка, какимъ выраженъ этотъ приговоръ. Повторяемъ: по части критики авторомъ мало сдѣлано; но въ извиненіе автора, кромѣ того, что сказано выше, слѣдуетъ указать и на то, что никто въ нашей литературѣ не подвергалъ сочиненій преосвящ. Порфирія серьезной критикѣ,—авторъ оставался въ этомъ отношеніи безпомощенъ. Жаль, что авторъ въ заключеніе своего труда не рѣшился на попытку охарактеризовать преосвящ. Порфирія,

какъ ученаго писателя: матеріаль для этого у автора былъ достаточный. А безъ этого мы не знаемъ: какъ высоко ставить авторъ преосвящ Порфирія, какъ ученаго, и какіе недостатки находить въ немъ? Вообще же сочиненіе Раевского вполнѣ удовлетворительно“.

Экстра-ординарнаго профессора І. А. Татарскаго о сочиненіи студента *Рождественскаго Никиты*: „Связь поэзіи съ религіей“.

„Сочиненіе студента Никиты Рождественскаго представляетъ собою обработку темы: „связь поэзіи съ религіей“. Послѣ краткаго введенія, заключающаго въ себѣ общее указаніе на важность вопроса и перечисленіе главнѣйшихъ пособій, авторъ раздѣляетъ свой трудъ на двѣ части: теоритическую и историческую.—Очевидно, что такая постановка дѣла соотвѣтствуетъ самой сущности предмета и должна вести къ послѣдующему болѣе или менѣе всестороннему его разсмотрѣнію. Теоретическая часть сочиненія состоитъ изъ двухъ главъ, изъ которыхъ въ первой авторъ доказываетъ мысль, что поэзія должна имѣть связь съ религіей по самому своему существу, а во второй—разсуждаетъ о религіозно-нравственномъ вліяніи поэзіи на жизнь. Въ особомъ заключеніи къ этой части сочиненія авторъ сводитъ результаты своего изслѣдованія къ отдѣльнымъ положеніямъ, представляющимъ теоретическое рѣшеніе имъ даннаго вопроса довольно отчетливымъ и убѣдительнымъ.

Вторая, историческая часть сочиненія, состоящая изъ четырехъ небольшихъ главъ, имѣетъ своею задачею наглядно представить глубокое соотвѣтствіе поэтическихъ идеаловъ извѣстной эпохи съ религіознымъ міросозерцаніемъ у различныхъ народовъ міра: грековъ, римлянъ, евреевъ и христіанской эры. Свои изысканія авторъ удачно направляетъ къ доказательству мысли, прекрасно выраженной поэтомъ Жуковскимъ, что „поэзія религіи небесной—сестра земная“. Сочиненіе г. Рождественскаго, представляя довольно полное и отчетливое рѣшеніе даннаго вопроса, отличается похвальною любовію автора къ избранному имъ предмету и, какъ обработанное съ видимымъ стараніемъ во всѣхъ своихъ частяхъ, можетъ быть признано удовлетворительнымъ“.

Доцента А. И. Введенскаго о сочиненіи студента *Романова Ивана*: „Рациональная теологія по Лейбницу“.

„Въ своемъ сочиненіи г. Романовъ даетъ опытъ систематизаціи религіозно-философскихъ воззрѣній Лейбница и устанавливаетъ ихъ отношеніе къ его общей теоретической философіи. Въ первой

главѣ онъ выясняетъ ученіе Лейбница о взаимоотношеніи знанія и вѣры, разума и откровенія, философіи и богословія (стр. 89—155). Во второй—даетъ общій очеркъ философіи Лейбница и устанавливаетъ основныя понятія его теоретической философіи (стр. 156—243). Третью посвящаетъ его философіи религіи (стр. 244—296: отдѣлы первый—ученіе о Богѣ и Его отношеніи къ міру; отдѣлы второй и третій—ученіе о человѣкѣ и происхожденіи зла,—къ сожалѣнію, не написаны,—по видимому, по недостатку времени). Въ концѣ сочиненія сдѣлана краткая критическая оцѣнка основныя идей Лейбница (стр. 297—344), а въ началѣ—предпослано обширное введеніе (стр. 1—88: „Общія гносеологическія замѣчанія“), въ которомъ авторъ выясняетъ свой собственный взглядъ на основныя проблемы гносеологіи и метафизики (каковыя философскія дисциплины, по его своеобразному мнѣнію, почти одно и то же). Историческая часть сочиненія выполнена весьма удовлетворительно. Авторъ основательно проштудировалъ Лейбница по подлиннику (по лучшему изданію—Гергардта) и успѣлъ хорошо ориентироваться въ главныхъ его сочиненіяхъ. При изученіи подлинника, онъ имѣлъ въ виду и русскій переводъ (Истомина и Московскаго Психологическаго Общества), въ которомъ иногда дѣлаетъ удачныя поправки (см. наприм., стр. 177, 318). Изложеніе философіи Лейбница повсюду объективно и сдѣлано съ надлежащею критическою осторожностью. Одна изъ особенностей, выгодно выдѣляющихъ сочиненіе автора, состоитъ въ томъ, что за исключеніемъ сравнительно немногихъ и необширныхъ выдержекъ, онъ передаетъ мысли философа отъ себя,—на основаніи предварительной аналитической работы надъ подлинникомъ. Въ существенныхъ пунктахъ онъ обыкновенно устанавливаетъ генетическую связь идей Лейбница съ идеями его великихъ предшественниковъ—Спинозы и Декарта, которыхъ, за немногими исключеніями (стр. 263), цитуетъ также по подлинникамъ. Вообще при чтеніи сочиненія видно, что кромѣ Лейбница, авторъ достаточно знакомъ съ тѣми философами, съ которыми Лейбницъ такъ или иначе соприкасался.

Что касается теперь положительной части труда (главнымъ образомъ, Введеніи), то она болѣе открыта для возраженій, чѣмъ часть историческая. Точка зрѣнія автора есть точка зрѣнія догматиковъ-раціоналистовъ 17—18 вв., съ которыми естественно онъ дѣлитъ и веѣ ихъ недостатки. Главный изъ нихъ—необоснованность основнаго тезиса: о достовѣрности знанія. Знаніе,—разсуждаетъ авторъ,—по самому понятію своему, объективно, по-

тому что знаніе непременно есть знаніе о чемъ-нибудь. Конечно. Но теоретическое содержаніе нашего духа есть ли знаніе? Не есть ли это безпредметная грѣза? Въ этомъ весь вопросъ; но авторъ, вслѣдъ за философами-раціоналистами, *предполагаетъ* это рѣшеннымъ въ положительномъ смыслѣ. Такимъ образомъ, вслѣдъ за ними и вмѣстѣ съ ними онъ впадаетъ въ *petitio principis*, каковой недостатокъ естественно отражается въ большей или меньшей степени и на рѣшеніи другихъ затронуемыхъ имъ вопросовъ. Но если мы возьмемъ положительную часть труда автора независимо отъ тѣхъ недостатковъ, которые связаны съ его основною точкою зрѣнія, то мы должны поставить ему въ большую заслугу то, что онъ съ своей точки зрѣнія совершенно послѣдовательно развилъ цѣлую, вполне выдержанную, систему понятій, такъ или иначе рѣшающихъ всѣ основныя проблемы теоріи знанія: о критеріи истины, о формахъ чувственнаго воспріятія, о категоріяхъ, о сужденіяхъ аналитическихъ и синтетическихъ, о предѣлахъ знанія, о возможности метафизики и т. д. Нѣкоторые изъ его взглядовъ, правда, не свободны отъ возраженій, но на всѣхъ нихъ лежитъ печать мысли методичной, тонкой и ясной, свидѣтельствующей о мышленіи вдумчивомъ, находчивомъ и провицательномъ. Если бы авторъ обладалъ приблизительно такимъ же знаніемъ новѣйшихъ теченій философій, какое онъ имѣетъ въ исторіи мысли 17—18 вв., онъ безъ сомнѣнія, представилъ бы болѣе свободныя отъ возраженій рѣшенія поставленныхъ имъ проблемъ. Исключительныя занятія философами-раціоналистами и особенно Спинозою послужили, повидимому, причиною того, что онъ высказался за то философское направленіе, защита котораго въ настоящее время едва ли можетъ быть признана дѣломъ особенно благодарнымъ.

Въ общемъ же, какъ по обнаруженному въ сочиненіи философскому дарованію, такъ и по отношенію къ дѣлу,—необыкновенно добросовѣстному и тщательному,—такъ, наконецъ, и по научно-литературнымъ приѣмамъ,—совершенно безупречнымъ,—авторъ по всей справедливости долженъ быть признанъ вполне заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

Экстра-ординарнаго профессора В. О. Кипарисова о сочиненіи студента *Садовскаго Дмитрія*: „Блаженный Августинъ, какъ проповѣдникъ“.

„Сочиненіе г. Садовскаго прежде всего обваруживаетъ, что авторъ принимался за свой трудъ, довольно хорошо къ нему подготовившись. Онъ знакомился не только съ общеизвѣстными нѣмец-

кими сочиненіями по исторіи проповѣди, но и нѣкоторыми спеціальными монографіями объ Августинѣ. Нельзя сомнѣваться также и въ томъ, что главный предметъ своего сочиненія — проповѣди Августина—авторъ изучилъ въ совершенно достаточной степени, — что въ совокупности должно было представлять далеко не легкій трудъ: ибо проповѣди Августина — а количество ихъ весьма велико—не переведены на русскій языкъ (исключенія—даже почти и не могутъ быть принимаемы въ счетъ), и автору приходилось читать ихъ въ латинскомъ подлинникѣ. Внимательное изученіе и пособій, и сырого матеріала дало въ результатъ обширное изслѣдованіе (свыше 600 страницъ), сдѣланное при томъ съ надлежащимъ пониманіемъ и задачъ историко-гомилетическихъ изслѣдованій, и особенныхъ приемовъ и задачъ гомилетической критики. Главные вопросы, долженствующіе входить въ подобнаго рода изслѣдованія, авторомъ не обойдены и не замолчаны.

Изъ восьми главъ сочиненія (кромѣ введенія и заключенія) лучшими представляются главы IV—VI, заключающія въ себѣ изложеніе нравственнаго ученія въ проповѣдяхъ Августина и спеціальное изслѣдованіе внѣшнихъ и внутреннихъ свойствъ его проповѣдей съ точки зрѣнія гомилетической критики. Любопытны также главы: III-я о догматическомъ ученіи въ проповѣдяхъ Августина, а также глава VII объ экзегесисѣ Августина, по скольку этотъ вопросъ имѣетъ отношеніе къ вопросу о проповѣдничествѣ, — глава не совсѣмъ точно названная авторомъ: „аллегоризмъ въ проповѣдяхъ блаж. Августина“. Менѣе совершенна глава о проповѣдничествѣ до Августина, какъ обработанная главнымъ образомъ на основаніи существующихъ нѣмецкихъ и русскихъ изслѣдованій. Да и предметъ ея, по самому существу дѣла, не можетъ умѣститься въ одной главѣ. Въ частности какъ на достоинство работы автора можно указать на слѣдующее: авторъ въ большинствѣ случаевъ довольно хорошо переводитъ текстъ проповѣдей Августина, иногда даже съ сохраненіемъ оригинальности въ оборотахъ подлинника, и вообще выдерживая характерный стиль Августина. Встрѣчаются, конечно, и исключенія: переводъ иногда бываетъ слишкомъ букваленъ, съ латинизмами, иногда совершенно безвредными, но иногда и затемняющими мысль Августина. Авторъ въ одномъ мѣстѣ указываетъ на запутанность въ самомъ текстѣ оригинала. Но и безъ этого можно бы указать случаи, гдѣ мысль оригинала въ переводѣ автора бываетъ не довольно ясна или совсѣмъ не ясна. Однако же эти исключенія, по сравненію съ объ-

еюмъ всего сочиненія, не особенно многочисленны. Выбирая для характеристики Августина какія либо мѣста изъ его проповѣдей, авторъ обнаружилъ способность подмѣчать мѣста дѣйствительно характерныя, благодаря чему въ сочиненіи не мало выдержекъ изъ Августина любопытныхъ и безотносительно къ цѣли автора. Такъ, на примѣръ, автору хорошо удалось представить предъ читателемъ всю силу діалектики Августина, иногда поразительной, изобрѣтательность въ доказательствахъ, находчивость въ полемикѣ, и въ то же время—мягкость въ рѣчи, вообще—всю типичность въ пріемахъ проповѣданія, свойственную этому проповѣднику. Вслѣдствіе этого Августинъ, какъ проповѣдникъ, довольно рельефно можетъ возставать въ мысли читателя. Явные недостатки въ проповѣди Августина—не скрываются, и оцѣнка его проповѣдничества не является преувеличенной ни въ ту ни въ другую сторону. Соображенія автора о нѣкоторыхъ вопросахъ, не могущихъ быть рѣшенными съ несомнѣнностію, не заимствованы изъ какихъ либо пособій, а совершенно самостоятельны, и иногда обращаютъ на себя вниманіе своей совершенной правдоподобностію. Языкъ сочиненія, за немногими исключеніями, вполне соотвѣтствуетъ достоинству научной работы.

Будучи удовлетворительнымъ для полученія степени кандидата богословія, сочиненіе г. Садовскаго, конечно, не могло оказаться совершенно чуждымъ недостатковъ уже по причинѣ самой обширности предмета изслѣдованія, требовавшаго для себя времени много болѣе, чѣмъ сколько его обычно бываетъ для работы на степень кандидата. Къ таковымъ, на примѣръ, можно отнести то, что нѣкоторые вопросы, которыхъ касается авторъ, требовали бы болѣе близкаго знакомства съ церковной археологіей, въ особенности съ археологіей проповѣди, а также знакомства съ частнымъ бытомъ древности. Нѣкоторыя мнѣнія Августина требовали бы сопоставленія ихъ съ мнѣніями другихъ проповѣдниковъ и церковныхъ писателей древности, дабы выяснитъ степень ихъ оригинальности и опредѣлитъ мѣсто Августина въ развитіи христіанской мысли. Вообще, элементъ сравнительнаго изслѣдованія, хотя и вводится авторомъ (гл. VII) въ свое сочиненіе, но въ мѣрѣ не вполне достаточной.—Но если бы все подобное было бы восполнено впоследствии, то даже притязаніе автора (если только оно у него имѣется) искать сочиненіемъ о проповѣдничествѣ Августина степени магистра богословія, могло бы быть признано не сверхмѣрнымъ притязаніемъ“.

Ординарнаго профессора М. Д. Муретова о сочиненіи студента *Сахарова Сергѣя*: „Судьбы посланія къ Евреямъ въ древней Церкви (1—V вв.)“.

„Послѣ краткихъ предварительныхъ замѣчаній о задачѣ, цѣли, характерѣ и пособіяхъ своего труда, авторъ разсматриваетъ свидѣтельства о посланіи къ Евреямъ въ такомъ порядкѣ: сначала—2-го посланія Ап. Петра, Мужей Апостольскихъ (1-е посланіе Климента Римскаго, Пастырѣ Ермы, посланія Игнатія Богоноса и Поликарпа Смирнскаго), Іустина, Сирскаго перевода (Пешита),—потомъ: Пантена, Климента, Оригена (древне-александрійская Церковь), Евсевія Кесарійскаго (послѣдователя Оригена въ опредѣленіи новозавѣтнаго канона), Василия Великаго, Григорія Богослова, Григорія Нисскаго, Амфилохія Иконійскаго (Церковь Каппадокійская),—посланія Церкви Антиохійской къ Павлу Самосатскому, Меодія Патарскаго, Кирилла Іерусалимскаго, Іоанна Златоуста, Θεодорита Кирскаго, Іакова Низибійскаго, Ефрема Сирина, Космы Индикоплевта, Ювилія (Антиохійско-Сирійская Церковь), Аеанасія, Дидима, Макарія, Кирилла, Марка аскета, Евѣмія (позднѣйшая Александрійская Церковь),—и наконецъ Церкви Западной: Иринея, Тертуллиана, Мураторіева фрагмента, Ипполита, стихометрии въ кларомонтанскомъ кодексѣ, Кипріана, Зенона Веронскаго, Викторина, Иларія Пуатьесскаго, Амвросія Медиоланскаго, Руфина и особенно—Іеронима и Августина.

Общіе и главные недостатки сочиненія:

1) *Невыясненность ближайшей задачи труда.* Въмѣсто того, чтобы по порядку хронологическо-топографическому (по мѣстнымъ церквамъ и по порядку времени) сообщать (конечно въ подлинникѣ и въ точномъ переводѣ) и обслѣдывать свидѣтельства о посланіи къ Евреямъ, авторъ задается желаніемъ уяснить эти свидѣтельства въ связи не только съ общими воззрѣніями каждаго свидѣтеля, но и съ общимъ характеромъ данной среды и извѣстной эпохи,—задача, хотя и весьма величественная, трудно выполняемая не только для ищущаго кандидатской степени, но и для опытнаго ученаго, и не только въ отношеніи ко всѣмъ церквамъ первыхъ пяти вѣковъ, но и въ отношеніи къ одному вѣку или одной церкви, даже одному писателю (напр. Тертуллиану, Оригену и др.). Понятно, что рѣшеніе такой невозможно-широкой задачи у автора исчерпывается ненужными и голословными фразами, только затемняющими значеніе свидѣтельствъ и увеличивающими объемъ сочиненія.

2) *Неполнота въ изученіи свидѣтельствъ.* По неизвѣстной причинѣ авторъ обходитъ молчаніемъ посланіе Варнавы, хотя этому апостольскому мужу нѣкоторыми приписывалось даже написаніе самого посланія къ Евреямъ. Пользуясь позднѣйшею редакціею посланій Игнатія, авторъ почему-то обходитъ 2-е посланіе Климента Римскаго, о дѣяствѣ, посланіе къ Діогнету и др. нѣк.

3) *Усвоеніе неосновательныхъ сужденій* Креднера о Іустинѣ, будто бы пользовавшемся апокрифическимъ *Евангеліемъ Евреевъ*, а не каноническими евангеліями (стр. 59),—заимствованіе нѣкоторыхъ питать изъ сочиненій, даже неимѣющихъ научнаго характера (Ириней и Евсевій цитуются по Исторіи церкви Геттэ стр. 229—230),—Тертуллианъ на 288 стр. цитуются по изданію Oehler'a, а на слѣдующей 289 стр.—по Regaltus'у (?) и под.

4) Наиглавнѣйшимъ же недостаткомъ сочиненія должно признать отсутствіе ясности, литературную необработанность и крайнюю растянутость въ изложеніи, напоминающемъ вообще плохой переводъ устарѣлой нѣмецкой книги, такъ что двѣ трети сочиненія, безъ всякаго ущерба дѣлу, легко могли бы быть зачеркнуты и вмѣсто 442 страницъ было бы только 150.

Не смотря на вышеуказанные, далеко не несущественные (особенно же послѣдній), недостатки, сочиненіе г. Сахарова можно признать удовлетворительнымъ для кандидатской степени въ виду того, что у автора было не мало пособій иностранныхъ и потрудился онъ довольно надъ изложеніемъ и обслѣдовавіемъ древнихъ свидѣтельствъ о посланіи св. Ап. Павла къ Евреямъ“.

Ординарнаго профессора В. О. Ключевского о сочиненіи студента *Сеславинскаго Михаила*: „Заботы древне-русской Церкви объ устройствѣ семейныхъ отношеній и ея успѣхи въ этомъ дѣлѣ“.

„Имѣя своей маленькой задачей, какъ читаемъ во вступленіи къ этому сочиненію, прослѣдить мѣропріятія древне-русской Церкви (до Уложенія 1649 г.), направленныя къ усовершенствованію и урегулированію семейныхъ отношеній, авторъ въ первой главѣ своего труда разсматриваетъ мѣропріятія, которыя направлены были къ искорененію языческой чувственности и къ водворенію чистой христіанской моногаміи, во второй излагаетъ „церковный идеалъ личныхъ отношеній въ древне-русской семьѣ“, въ третьей заботы Церкви объ устройствѣ имущественныхъ отношеній родителей и дѣтей, а въ четвертой изображаетъ древне-русскую семью по *Домострою* священника Сильвестра съ цѣлью показать, чего достигла Церковь въ своихъ попечительныхъ заботахъ объ устройствѣ семей-

ныхъ отношеній въ древней Руси. Плану сочиненія нельзя отказать въ стройности и обдуманности, но исполненіе его въ подробностяхъ страдаетъ нѣкоторыми недостатками. Авторъ пользовался значительнымъ количествомъ историческихъ источниковъ, но относился къ нимъ недостаточно разборчиво, безъ сравнительной оцѣнки ихъ качества, мозаически подбирая черты и изъ памятниковъ права, и изъ различныхъ литературныхъ произведеній, церковныхъ поученій, житій святыхъ, сатиръ, сказокъ. При томъ во многихъ мѣстахъ своего труда авторъ не столько изучаетъ факты, сколько излагаетъ по поводу ихъ свои общія разсужденія или впечатлѣнія, вынесенныя изъ ихъ изученія. Эти разсужденія и впечатлѣнія нерѣдко отклоняютъ автора отъ прямой цѣли изслѣдованія къ предметамъ, имѣющимъ къ ней только отдаленное отношеніе. Такъ въ первой главѣ основному предмету, изложенію борьбы Церкви съ языческимъ многоженствомъ, отведено гораздо меньше мѣста, чѣмъ изложенію аскетическаго взгляда на бракъ, женщину и на повторительные браки. Но авторъ для своего сочиненія много прочиталъ, о нѣкоторыхъ предметахъ не мало подумалъ и изложилъ свои мысли языкомъ живымъ и бойкимъ, хотя по мѣстамъ нѣсколько изысканнымъ („нравственно-бытовья стороны жизни“, „духовная терапия“, „поэтическія семейныя чувства нынѣшняго вѣка“ и тому подобныя выраженія.). По указаннымъ качествамъ сочиненіе М. Сеславинскаго можно признать удовлетворительнымъ“.

Ординарнаго профессора Е. Е. Голубинскаго о сочиненіи студента *Синайскаго Павла*: „Митрополитъ Московскій и всея Россіи Геронтій“.

„Сочиненіе г. Синайскаго состоитъ изъ трехъ главъ. Въ первой главѣ авторъ изображаетъ умственное и нравственное состояніе русскаго общества передъ вступленіемъ Геронтія на кафедру митрополіи и говоритъ объ отношеніяхъ, которыя установились между государями московскими и митрополитами русскими ко времени великаго князя Ивана Васильевича III. Вторая глава посвящена авторомъ церковной дѣятельности митрополита Геронтія и церковнымъ событіямъ его времени. Предметъ рѣчей автора въ третьей главѣ составляетъ политическая дѣятельность митрополита Геронтія или его участіе въ дѣлахъ государственныхъ.“

Состояніе русскаго общества передъ вступленіемъ Геронтія на кафедру митрополіи изображается авторомъ въ достаточной степени удовлетворительно. Даваемый авторомъ очеркъ церковной и государственной дѣятельности митрополита Геронтія въ совокуп-

ности съ церковными событіями его времени долженъ быть признанъ въ достаточной степени полнымъ. Не можетъ быть сказано, чтобы авторъ заявилъ себя глубокимъ изслѣдователемъ, которымъ бы все относящееся къ его задачѣ было разобрано съ возможно основательностію. Но не заявивъ своей особенной способности къ самостоятельному изслѣдованію, авторъ показалъ свое полное усердіе къ изученію дѣла, насколько оно могло быть изучено по предшествующимъ или по готовымъ уже трудамъ. Литературное изложеніе удовлетворительное. Вообще, сочиненіе по справедливости должно быть признано за хорошее сочиненіе“.

Ординарнаго профессора Н. И. Субботина о сочиненіи студента *Скворцова Сергія*: „Исторія Австрійскаго жесвященства послѣ удаленія Амвросія изъ Бѣлой-Криницы до послѣдняго десятилѣтія“.

„Послѣ краткаго „Введенія“, въ которомъ говорится довольно отвлеченно и иногда въ неумѣстно-изысканныхъ выраженіяхъ о значеніи Австрійской жеіерархіи, сочиненіе раздѣлено на двѣ главы. Первой дано такое странное заглавіе: «Бѣлая-Криница въ ея значеніи, какъ источника мнимой благодати священства»; второй: „внутренняя (?) исторія жесвященства“.

Въ этихъ двухъ главахъ не оказалось собственно „исторіи „Австрійскаго жесвященства и именно исторіи за указанное время. Въмѣсто послѣдовательнаго изложенія по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ событій, что требовалось для исторіи, авторъ говоритъ о тѣхъ, или иныхъ происшествіяхъ, не соблюдая строгаго хронологическаго порядка, и обыкновенно входитъ въ пространныя разсужденія объ ихъ значеніи, болышею частію ненужныя и не всегда вѣрныя. При томъ же много говоритъ о происшествіяхъ, бывшихъ еще при Амвросіѣ и даже до пріѣзда его въ Бѣлую-Криницу, чего совсѣмъ нетребовалось, что предполагалось уже извѣстнымъ. Напримѣръ, много говорится объ учрежденіи іерархіи у турецкихъ раскольниковъ, получившихъ жеіепископа еще при Амвросіѣ, и даже о самомъ поселеніи раскольниковъ въ турецкихъ владѣніяхъ. Самому изложенію не достаетъ надлежащей простоты и правильности,—авторъ любитъ выражаться изысканно-ученымъ языкомъ, что совсѣмъ нейдетъ къ предмету изслѣдованія. Но трудился сочинитель много, и трудъ достоинъ одобренія“.

Ординарнаго профессора Е. Е. Голубинскаго о сочиненіи студента *Сменцовскаго Михаила*: „Братья Іоанникій и Софроній Лихуды“.

„Тема, взятая г. Сменцовскимъ, есть очень обширная тема. Чтобы дать понять это, достаточно поставить на видъ, что нее входятъ, какъ часть, извѣстные, ведшіеся на Москвѣ, споры о пресущественіи. Взявъ очень обширную тему, г. Сменцовскій приложилъ все свое стараніе, чтобы справиться съ нею въ продолженіе года, т. е. чтобы написать и подать сочиненіе, обнимающее всю тему сполна, а не ограничивающееся лишь тою или иною ея частію. При достиженіи внѣшней полноты сочиненія, очень трудно было г. Сменцовскому избѣжать недостатковъ въ отношеніи къ внутреннему его качеству. И онъ дѣйствительно не избѣжалъ ихъ: борьбу на Москвѣ направленной греческаго и латинскаго, предшествовавшую прибытію Лихудовъ въ Россію, онъ излагаетъ не достаточно удовлетворительнымъ образомъ; при изложеніи біографическихъ свѣдѣній о Лихудахъ онъ съ слишкомъ большою вѣрой, переходящей въ легковѣріе, относится къ показаніямъ самихъ Лихудовъ; при изложеніи споровъ о пресущественіи, онъ не рѣшаетъ нѣкоторыхъ частныхъ важныхъ вопросовъ; наконецъ и въ отдѣлкѣ внѣшняго изложенія онъ является не совсѣмъ безупречнымъ. Но вообще очень обширное и хотя не свободное отъ недостатковъ, тѣмъ не менѣе въ цѣломъ серьезное и основательное, сочиненіе г. Сменцовскаго должно быть признано очень хорошимъ сочиненіемъ“.

Ректора академіи архимандрита Антонія о сочиненіи студента *Соколова Леонида*: „Св. Іоаннъ Златоустъ, какъ пастырь Церкви“.

„Означенное сочиненіе составлено на основаніи всѣхъ сочиненій Отца церкви, тщательно перечитанныхъ авторомъ въ продолженіи года; это одно уже ясно свидѣтельствуетъ о громадномъ трудолюбіи автора. Занимая болѣе тысячи страницъ весьма убористаго письма, рассматриваемое сочиненіе при этомъ не ограничивается прямымъ выполненіемъ темы, но включаетъ и біографію Златоустаго Учителя, составленную настолько тщательно и съ такой обширною эрудиціей, что она одна годилась бы для соисканія кандидатской степени. Говорить-ли о томъ, что одна выборка изъ драгоценнѣйшаго источника христіанскаго учительства тѣхъ изреченій, которыя опредѣляютъ жизнь и дѣятельность истинныхъ пастырей, тѣмъ болѣе заслуживала бы такого увѣнчанія? Замѣтимъ, что подобнаго рода выборка въ примѣненіи къ богословію пастырскому, при той полнотѣ и обстоятельности, которыми она отличается въ сочиненіи г. Соколова, имѣетъ несравненно высшую цѣнность, чѣмъ указатель библейско-экзегетическій или догматическій, потому что

двѣ послѣднія области богословской науки разработаны съ гораздо большею опредѣленностью, нежели Богословіе Пастырское, лишенное даже сколько-нибудь установившагося раздѣленія или распредѣленія матеріала. Не смотря на всѣ эти затрудненія, авторъ оказался настолько усвоившимъ и духъ Златоуста, и основные принципы своей науки, что онъ могъ для всего многоразличнаго и дробнаго матеріала подобрать весьма характеристичныя подраздѣленія. Правда ему не удалось эти подраздѣленія поставить въ опредѣленные взаимныя соотношенія, т. е. объединить въ болѣе крупныя группы, но это окажется возможнымъ только для такого изслѣдователя, въ умѣ котораго создано нѣчто еще невыработанное современной наукой, т. е. созданъ синтетическій принципъ, проникающій собою всѣ разнородныя части данной науки. Естественно поэтому, что начинающій изслѣдователь поступилъ бы гораздо осмотрительнѣе, если бы ограничился сведеніемъ святоотеческихъ изреченій къ мелкимъ группамъ; естественно, что, не ограничившись этимъ, авторъ, въ своей попыткѣ опредѣлить болѣе общія методологическія основанія Пастырскаго Богословія у Іоанна Златоуста, говоритъ болѣе отъ себя, когда думаетъ, что излагаетъ принципы Златоустовскаго богословія (особенно въ двухъ послѣднихъ—5 и 6 главахъ сочиненія): но, конечно, мы не будемъ его укорять за неисполненіе невозможнаго, а напротивъ съ особеннымъ удовольствіемъ и похвалою отмѣтимъ то, что ему удалось при обобщеніи Златоустовскихъ положеній; удалось ему раскрыть чисто-нравственное обоснованіе послѣднихъ: т. е. показать, что о чемъ бы ни говорилъ св. Златоустъ: о возрастѣ ли, о семейномъ ли положеніи пастыря, о его ли отношеніи къ философіи или Библии,—вездѣ, по справедливому выводу автора, обоснованіемъ требованій является единственно успѣшность въ дѣлѣ врачеванія душъ—этой конечной и единственной обязанности пастыря. Второю основною чертой пастырскаго ученія Златоуста является, по справедливому и весьма цѣнному раскрытію автора, требованіе совершенной нераздѣльности между внутреннею жизнью пастыря и внѣшнею дѣятельностію послѣдняя лишается всякой цѣны и успѣха, если не оказывается прямымъ выраженіемъ первой; такимъ образомъ основанія пастырскаго богословія лежатъ въ аскетикѣ. Эту мысль авторъ раскрываетъ въ двухъ главахъ сочиненія и, не смотря на всю трудность подобнаго рода изслѣдованія для юноши, проявляетъ достаточно глубокое пониманіе святоотеческихъ взглядовъ, перелагая образную рѣчь Святителя на языкъ

точныхъ понятій. Такъ авторъ выводитъ изъ его словъ точное опредѣленіе Церкви, какъ врачевницы душъ, понятіе о пастырскихъ скорбяхъ, не какъ о препятствіяхъ къ его дѣланію, но напротивъ, какъ о дѣйствующей силѣ (Гал. IV, 19), о двухъ жизняхъ въ каждомъ христіанинѣ и христіанскомъ обществѣ—ветхой и новой и о таинственныхъ способахъ умерщвленія первой и оживленія второй путемъ подвижничества или добровольныхъ страданій. Конечно, авторъ не вездѣ ясенъ, часто допускаетъ прямыя ошибки въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ эпохи V вѣка обращается къ условіямъ современной пастырской жизни, но всѣ эти недочеты блѣднѣютъ предъ той массой цѣлесообразно выполненнаго труда, которую онъ внесъ въ свое изслѣдованіе. Ово должно быть оцѣнено высшей отміткой на степень кандидата богословія, а для соисканія магистерской степени и напечатанія его, необходимо выпустить изъ него все, не требующееся темой, сгладить рѣчь избыточную совершенно ненужными иностранными словами и ввести матеріалъ, предвазначенный въ двѣ послѣднія обѣщанныя главы, впрочемъ не въ видѣ отдѣльныхъ главъ, а въ видѣ пополненія цитатами двухъ предыдущихъ взаимнѣ собственныхъ разсужденій автора, подлежащихъ сокращенію“.

Ординарнаго профессора М. Д. Муретова о сочиненіи студента *Счастлива Константина*: „Пророчесственная рѣчь Господа о разрушеніи Іерусалима и кончинѣ міра (Матѣ. XXIV—XXV гл. и сходст.)“.

„Сочиненіе начинается общими замѣчаніями о судьбѣ даннаго отдѣла евангельскаго въ новѣйшей западной наукѣ богословской, причемъ авторъ опровергаетъ отрицательныя сужденія и утверждаетъ правильно православную точку зрѣнія на предметъ (стр. 1—82). Затѣмъ, слѣдуя порядку евангельскаго текста, авторъ объясняетъ историческое введеніе къ рѣчи Матѣ, XXIV, 1—2, раскрывая при этомъ связь пророчесственной рѣчи Господа съ предыдущею обличительною рѣчью противъ книжниковъ и фарисеевъ и сообщая историческія справки о разрушеніи Іерусалима и храма (стр. 83—100). Критико-экзегетическое изслѣдованіе самой рѣчи Господа авторъ ведетъ въ порядкѣ, постипно и дословно соотвѣтствующемъ евангельскому тексту, раздѣливъ всю рѣчь на двѣ части: пророчесственную въ строгомъ смыслѣ (Матѣ. XXIV, 3—35) и пророчесственно увѣщательную (Матѣ. XXIV, 36—XXV, 46) Каждая изъ этихъ частей подраздѣлена на три главы. Часть первая состоитъ изъ главъ: 1. вопросъ уче-

никовъ о разрушеніи Іерусалима и кончинѣ міра (XXIV, 3—14 стр. 101—172),—2, конецъ—*τὸ τέλος* (XXIV, 15—28. стр. 173—302),—3, пришествіе Сына Человѣческаго (XXIV, 29—35. стр. 303—368). Вторая часть имѣетъ главы: 1, увѣщаніе къ бодрствованію (XXIV, 36—44. стр. 369—416),—2, притчи (XXIV, 44—XXV, 30: стр. 417—548),—3, всеобщій судъ (XXV, 31—46. стр. 549—635: глава эта, по заявленію автора, написана въ сокращеніи и по мѣстамъ лишь конспективно).

Наиболѣе выдающіяся достоинства сочиненія:

1) *Обширность и тщательность труда*, выразившіяся особенно въ изученіи источниковъ и пособій, относящихся къ данному предмету, и именно: древне-христіанской литературы (Ириней, Ипполитъ, Кириллъ Іерусалимскій, Амвросій, Иларій, Златоустъ, Августинъ, Лактакцій, Іеронимъ, Θεодоритъ и др.), новѣйшихъ пособій экзегетическихъ—спеціальныхъ (Кремеръ и Вейффенбахъ) и общихъ (Вейссъ, Мейръ, Кейль, Кнабенбауеръ и др.), текстурально—критическихъ (Тишеядорфъ и др.), историко-археологическихъ (Кеймъ, Лайтфутъ, Шеттгенъ, Ветштейнъ, Вюнше, словарь Рима и др.) и филологическихъ (Шлейснеръ къ Новому Завѣту, Валь и др.).

2) *Полнота экзегетическаго анализа*: авторъ, кажется, не оставилъ безъ достаточнаго обслѣдованія ни одной, хотя бы весьма частной и едва примѣтной особенности текста,—далъ отвѣтъ на всѣ вопросы, когда либо и къѣмъ либо предъявлявшіеся по отношенію къ данному отдѣлу евангельскому,—собралъ почти всѣ, доступныя ему по находившимся у него въ рукахъ источникамъ и пособіямъ, археологическія, историческія и другія даты, могущія такъ или иначе служить къ уясненію евангельскаго текста (впрочемъ послѣдняя глава и вся вообще вторая часть въ этомъ отношеніи значительно слабѣе первой).

3) *Ясность и основательность* историко-филологическаго экзегеса, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ опровергаетъ отрицательныя сужденія и раскрываетъ или утверждаетъ положительно-православное толкованіе.

4) *Глубина православно догматическаго толкованія* нѣкоторыхъ отдѣловъ пророчественной рѣчи Господа (особенно наприм. XXIV, 36 стран. 376 дал.), причемъ надежнымъ руководствомъ для разсужденій автора служатъ святоотеческія толкованія данныхъ мѣстъ, коими (толкованіями) авторъ пользуется обильно.

5) *Тонкость психологическаго анализа* нѣкоторыхъ нравствен-

ныхъ понятій, входящихъ въ пророчественную рѣчь Господа (напр. о смиреніи стр. 436 сл., о христіанской любви стр. 585 сл. и др.), при чемъ авторъ для ближайшаго раскрытія и болѣе полного освѣщенія изреченій пророчественной бесѣды Господа пользуется весьма умѣло ученіемъ и примѣромъ жизни святыхъ Апостоловъ, особенно Ап. Павла.

6) *Обдуманность труда*, благодаря коей сочиненію г. Счастнева представляеть не беспорядочно-нагроможденную массу безцѣльныхъ, мало осмысленныхъ и не имѣющихъ себѣ логически-законнаго предѣла, отрывочныхъ примѣчаній всякаго рода, скомпилированныхъ по разнымъ просмотрѣннымъ и прочитаннымъ книгамъ,— но вѣчто цѣлое, стройное и живое, что сообщаетъ пріятность чтенію диссертации.

7) *Изложеніе*, наконецъ, ясное и довольно краткое.

Трудъ г. Счастнева, какъ и всякое человѣческое дѣло, конечно не есть безусловное совершенство, — ему даже многого не достаетъ въ отношеніи полноты изученія какъ отеческой литературы древне-греческой (нѣтъ наприм. ссылокъ даже на Григорія Нисскаго) и русской (Димитрій Ростовскій, Тихонъ Задонскій, Филаретъ Московскій), такъ и новѣйшихъ научныхъ пособій (авторъ не пользуется словаремъ Шлейснера къ Ветхому Заѣту, богословско-филологическимъ словаремъ къ Новому Заѣту Кремера и др.), не говоря уже о первоисточникахъ для знакомства съ современными евангельской исторіи іудейскими и языческими эсхатологическими воззрѣніями и для ближайшаго съ ними сравненія пророчественной рѣчи Господа (конечно въ цѣляхъ раскрытія ея безмѣрнаго и богочеловѣческаго превосходства надъ ученіемъ іудейскимъ и языческимъ). Но это все и подобное отнюдь не препятствуетъ разсужденію г. Счастнева имѣть полное право ва ученую степень кандидата богословія и заслуживать составителю сего труда высокой похвалы.

Ректора академіи, архимандрита Антонія о сочиненіи студента *Тихальскаго Вячеслава*: „Критическій обзоръ исторіи Израильскаго народа Эрнеста Ренана“.

„Авторъ перечиталъ всѣ пять томовъ исторіи Ренана и полемизируетъ противъ него, опираясь главнымъ образомъ на сочиненія Вигуру, читанныя имъ не только въ русскихъ переложеніяхъ, но и во французскихъ подлинникахъ; сверхъ того авторъ ознакомился съ нѣкоторыми сочиненіями Ленормана, Мартена и съ новѣйшими русскими диссертациями въ области библейской исторіи.

Все это само собою уже свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ потрудился надъ своей работой; каково же онъ воспользовался усвоеннымъ матеріаломъ для выполненія своей темы? Она была бы выполнена болѣе совершенно, если бъ была выражена такъ: критическія замѣчанія на исторію Ренана, или: критическое изложеніе важнѣйшихъ положеній исторіи Ренана. Правда, и при настоящей формулировкѣ темы нельзя не поставить автору въ похвалу того обстоятельства, что онъ избѣгъ обычая нашихъ критиковъ почти дѣликомъ выписывать разбираемое сочиненіе, а затѣмъ въ специально-критической части снова воспроизводить всѣ положенія источника, лишь нѣсколько сокращая ихъ изложеніе. Однако, избѣгая такихъ повтореній, авторъ зашелъ въ своемъ лаконизмѣ далѣе желательныхъ предѣловъ: онъ почти конспективно намѣчаетъ многочисленныя положенія Ренана о каждой эпохѣ ветхозавѣтной исторіи и затѣмъ тотчасъ же возражаетъ на нихъ, лишь изрѣдка упоминая объ основаніяхъ, приводимыхъ самимъ Ренаномъ. Такой методъ изложенія для людей, специально не ознакомленныхъ съ библейской полемикой, лишенъ всякой убѣдительности, но для читателей, начитанныхъ въ ней и знакомыхъ съ рационалистическими теоріями, на почвѣ которыхъ создаетъ Ренанъ свою исторію, краткое изложеніе послѣдней у нашего автора не лишено интереса, равно какъ и его возраженія противъ доводовъ и выводовъ французскаго скептика; возраженія эти кратки, подчасъ общи, но мѣтки и иногда остроумны. Остается пожалѣть только о томъ, что авторъ не успѣлъ дать общую характеристику историческаго метода Ренана, хотя на самомъ дѣлѣ приемы его столько же смѣлы, сколько незамысловаты и однообразны: политическія стремленія партій, да международная вражда — вотъ по Ренану единственное исторически-достоверное начало, обуславливающее собою всѣ порывы религіознаго творчества священныя писателей.

Вторымъ недостаткомъ разбираемаго сочиненія является недостаточная ознакомленность автора съ главнѣйшими положеніями библейскаго рационализма (какова напр. теорія о Второ-исаи), которыя овъ ошибочно считаетъ произведеніями одного Ренана. Конечно эти и другіе недостатки сочиненія значительно понижали бы его оцѣнку, если бы мы упустили изъ вниманія то множество страницъ французскаго текста, которыя авторъ долженъ былъ перечитать впродолженіи одной зимы и того множества возраженій Ренана, едва ли не противъ каждой страницы Библии, надъ

коиими автору приходилось думать. Ту и другую задачу свою онъ выполнилъ довольно добросовѣстно и небезуспѣшно. Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ“.

Доцента Н. А. Заозерскаго о сочиненіи студента *Торопова Константина*: „Задача, духъ и бытовое устройство монастыря православнаго по сравненію съ римско-католическимъ“.

„Названное сочиненіе состоитъ изъ введенія и главъ I—VII. Во введеніи авторъ даетъ отвѣтъ на вопросъ—когда явилось монашество. Указавъ прежде всего на то, что дѣвственники и великіе подвижники, всю свою жизнь посвящавшіе Богу, явились уже въ лицѣ учениковъ Господа и являлись потомъ, авторъ, справедливо замѣчаетъ, что хотя ихъ и должно почитать предшественниками монастыря, но что послѣднее явилось собственно позднѣе и указываетъ на Антонія Великаго, какъ на основателя монастыря въ собственномъ смыслѣ; съ него собственно и начинается исторія монастыря. Разказавъ затѣмъ біографію Антонія Великаго, какъ основоположника монастырской жизни, авторъ указалъ потомъ на Пахомія Великаго—организатора монастырскаго общежитія, упрочившаго существованіе монастыря въ Египтѣ, затѣмъ на Василія Великаго—основателя и организатора монастыря въ Палестинѣ. Монашескіе уставы Святыхъ Пахомія и Василія Великаго собственно и составляютъ науку восточнаго монастыря и хотя позднѣйшіе великіе аввы, какъ Савва Освященный, Феодоръ Студитъ и аѳонскіе подвижники основали свои уставы, составляющіе продолженіе и развитіе первоучителей монастыря, впрочемъ для цѣли автора отличія ихъ уставовъ особенно важнаго значенія не имѣютъ: задача, духъ и бытовое устройство монастыря въ существѣ тѣ же, что и въ уставахъ трехъ основателей монастыря.“

Въ главѣ 1-й—подъ рубрикою—причины происхожденія и задача монастыря Православной Церкви—авторъ прежде всего разсматриваетъ вопросъ: какія историческія причины вызвали появленіе монастыря? Онъ останавливается на мнѣніи профессора П. С. Казанскаго (Исторія Православнаго монастыря), поставляющаго въ ближайшую связь происхожденіе монастыря съ великою перемѣною во внѣшнемъ положеніи христіанства, изъ гонимой религіи сдѣлавшейся господствующею въ римской имперіи. Перемѣна этого внѣшняго положенія церкви не сопровождалась перерожденіемъ государства и общества: въ своихъ учрежденіяхъ государство оставалось языческимъ, въ своихъ правахъ, устройствѣ, направленіи

общества—тоже сохранило много языческихъ элементовъ. При такомъ порядкѣ вещей естественно, что желавшіе устроить свою жизнь по Евангелію христіане находили весьма затруднительнымъ свое положеніе въ грѣшномъ, развращенномъ полуязыческомъ обществѣ и находили несравненно болѣе удобствъ удалиться изъ городовъ въ пустыни и тамъ на свободѣ устроить жизнь по Евангелію. Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, авторъ дополняетъ его еще тѣмъ собственнымъ своимъ соображеніемъ, что христіанство, первоначально ознаменовавшее себя необыкновеннымъ энтузіазмомъ своихъ послѣдователей, съ теченіемъ времени стало ослабѣвать и когда сдѣлалось господствующею религіею, то явилось множество христіанъ, которые значительно понизили въ своей жизни нравственныя строгія требованія Евангельской дисциплины; было множество такихъ, которые только носили имя христіанъ, оставаясь въ дѣйствительности не лучше язычниковъ. Это явленіе естественно-де вызвало и всегда вызывало противъ себя реакцію со стороны истинныхъ христіанъ, которые не могли мириться съ такимъ полухристіанскимъ строемъ и нравами общества и выдѣлялись изъ него въ монашескія общины. Указавъ на эти *историческія* причины происхожденія монашества, авторъ дѣлаетъ далѣе очень важное, хотя къ сожалѣнію и не совсемъ вѣрное заключеніе, что монашество въ сущности есть только болѣе *удобный образъ жизни*, чѣмъ мірская жизнь, для исполненія Евангельскихъ заповѣдей нравственнаго совершенства, но не есть *какой либо совершеннѣйшій родъ жизни*. Авторъ такъ увлекся этимъ своимъ взглядомъ, что употребилъ за тѣмъ не мало усилій на аргументированіе его и на опроверженіе иного, имъ указываемаго возрѣвія.

Такъ, сначала онъ приводитъ не мало свидѣтельствъ изъ отцевъ Церкви (св. Василія Великаго, І. Златоуста и нѣкотор. другихъ) въ пользу того положенія, что стремленіе къ высшему нравственному совершенству есть не исключительное призваніе монашества, но и cadaго христіанина, что самыя обѣты монашества не заключаютъ въ себѣ ничего особеннаго отъ обязанностей cadaго христіанина (стр. 47—75). Утвердившись на этомъ мнѣніи, авторъ замѣчаетъ далѣе, что онъ чрезъ это становится въ разрѣзъ съ ученіемъ многихъ моралистовъ - богослововъ о такъ называемыхъ евангельскихъ совѣтахъ, и потому почитаетъ нужнымъ разсмотрѣть это ученіе и показать его несостоятельность, что и дѣлаетъ на стр. 75—96. Здѣсь онъ раскрываетъ слѣдующія положенія: а) нравственный законъ Евангелія

обязателенъ одинаково для всѣхъ и въ заповѣдяхъ Господа нельзя дѣлать различія между *закономъ* и *совѣтомъ*; б) нравственный законъ, какъ общее требованіе, не опредѣляетъ того, *какъ* онъ долженъ быть исполненъ: опредѣленіе способа исполненія его есть дѣло сужденія каждой отдѣльной личности, при чемъ принимаются во вниманіе особенности самой личности, и ея положенія въ данный моментъ. Такимъ образомъ *одно и то же* въ существѣ дѣла *требованіе* въ примѣненіи различными людьми осуществляется не въ одинаковыхъ формахъ проявленія ихъ нравственной дѣятельности. Такъ напр. требованіе закона: *люби ближняго, какъ самого себя* однимъ и тѣмъ же лицомъ въ различныхъ возрастахъ, положеніяхъ и случаяхъ жизни и тѣмъ болѣе различными людьми сознается и осуществляется въ видѣ бесконечно-разнообразныхъ обязанностей (стр. 79—80 г.). Отсюда слѣдуетъ, что и существенные обѣты монашества, отличающаго его отъ мірянъ - христіанъ, въ существѣ своемъ не представляютъ какихъ либо особыхъ заповѣдей, не обязательныхъ и для послѣднихъ, а только осуществляются иначе. Такъ заповѣдь о нестяжательности—обща и обязательна для всякаго христіанина, и она одинаково исполнима имъ и въ томъ случаѣ, если онъ имѣетъ собственность: ибо богатство не есть зло; зло есть злоупотребленіе богатствомъ; точно также и заповѣдь о *цѣломудріи* выполняется одинаково какъ монахомъ, отрeksiмъ отъ семейной жизни, такъ и христіаниномъ строго соблюдающимъ законъ брака: „*ни въ Евангеліи,*—говоритъ авторъ—*ни въ посланіяхъ апостольскихъ нидѣ нѣтъ намека даже на то, будто безбрачіе выше брака* (стр. 90). Тоже самое должно сказать и касательно отреченія отъ собственной воли, какъ примѣненія заповѣди самоотреченія. Выводъ изъ всѣхъ этихъ разсужденій тотъ, что „мірское состояніе и монашество суть только формы примѣненія заповѣдей въ дѣйствительной жизни, при чемъ ни одна форма не можетъ почитаться высшею въ сравненіи съ другою, а тѣмъ болѣе въ сравненіи съ самою заповѣдію“ (стр. 97).

Таково воззрѣніе автора на задачу монашества. Эта задача—есть общехристіанская—стремленіе къ возможному нравственному совершенству; какъ опредѣленный образъ жизни монашество есть только *особый путь*, во многихъ случаяхъ и для многихъ лицъ *болѣе удобный*, чѣмъ мірское состояніе.

Въ слѣдующей за тѣмъ 2-й главѣ, авторъ изображаетъ устройство Тавенскаго общежитія во уставу св. Пахомія Великаго.

Изложеніе сдѣлано вообще весьма обстоятельно. Съ такою же обстоятельностью сдѣлано въ 3-й главѣ изложеніе устройства монастырскаго общежитія по Уставу св. Василя Великаго. Это изложеніе авторъ оканчиваетъ замѣчаніемъ, что идеальное монашество, начертанное въ уставахъ основателей, далеко не соответствовало тому дѣйствительному монашеству, какимъ знаетъ его исторія. Разъ монашество приобрѣло великое нравственное уваженіе въ обществѣ—оно нашло въ этомъ поводъ къ паденію: явилось лицемеріе и фарисейство. Въ монастыри стали поступать люди, искавшіе не спасенія души, а уваженія, внушаемаго людямъ монашескою внѣшностію: монастыри изъ пустынь перешли въ городъ и на мѣсто отреченія отъ міра возстановили свое единеніе съ міромъ. Послѣдовали затѣмъ и нѣкоторыя отклоненія отъ первоначальныхъ уставовъ. Въ числѣ ихъ авторъ указываетъ на раздѣленіе монашества на двѣ степени—малую и великую схиму (стр. 239).

Въ главѣ IV-й (стр. 241—268) авторъ раскрываетъ *характеръ* православнаго монашества; этотъ характеръ—*аскетически—созерцательный*. Здѣсь авторъ раскрываетъ понятіе аскетизма, какъ совокупности *средствъ* борьбы христіанина со своими грѣховными влеченіями на пути его къ добродѣтели. Сущность этой христіанской добродѣтели заключается въ цѣломудріи, смиреніи и безкорыстіи. Монашеская жизнь такъ устроена, что представляетъ самый удобный путь къ достиженію ихъ. Средства къ нимъ ведущія суть: обѣты безбрачія, послушанія и нестяжательности, постъ и молитва. Сами по себѣ они только средства и цѣну получаютъ лишь постольку, поскольку ведутъ къ добродѣтели. Они—„листья на деревьяхъ, которыя безъ добродѣтелей остаются безплодными“ (стр. 257). Здѣсь же авторъ указываетъ и опровергаетъ возраженія противъ такого аскетически-созерцательнаго монашества, какъ будто бы проистекающаго изъ гордости, лѣности и не приносящаго пользы для общества.

Въ главѣ V-й авторъ представляетъ краткій очеркъ монашества западной церкви въ періодъ ея общенія съ восточною (стр. 269—305) и въ главѣ VI-й—таковой же очеркъ нищенствующихъ орденовъ Францисканскаго и Доминиканскаго (стр. 305—323). Выводъ изъ этихъ очерковъ тотъ, что на западѣ монашество явилось первоначально съ тѣми же задачами, какъ и на востокѣ (стр. 247), но затѣмъ свои обѣты сочетало съ практическими задачами служенія церкви. Первоначально монашество сочеталось съ клири-

ческимъ служеніемъ (Хродезангъ, Арх. Мецкій съ его каноническимъ общежитіемъ), за тѣмъ вступило въ сочетаніе съ рыцарствомъ на служеніе церкви, культурѣ, больнымъ и миссіонерскимъ цѣлямъ. Въ качествѣ самыхъ характерныхъ представителей этого рода монашества авторъ указываетъ нищенствующіе ордена Францисканцевъ и Доминиканцевъ, совмѣстившіе подвигъ монашества съ учено-богословскою, пастырскою и проповѣдническою дѣятельностію.

Указавъ въ этомъ сочиненіи аскетизма съ практически-церковною дѣятельностію отличіе западнаго монашества отъ восточнаго, авторъ перешелъ въ концѣ сочиненія къ вопросу о такъ называемомъ ученомъ русскомъ монашествѣ и ставитъ вопросъ: не нарушается ли таковымъ сочетаніемъ самая идея монашества?—Авторъ отвѣчаетъ утвердительно (—нарушается), а именно такъ: „монашество, какъ *принципъ*, состоитъ въ томъ, что человѣкъ ставитъ единственною цѣлью своей жизни созданіе своего внутренняго человѣка; какъ опредѣленное *историческое явленіе* монашество есть воплощеніе этой цѣли посредствомъ уединенія и отрѣшенія отъ мірскихъ людей и дѣлъ. Въ первомъ смыслѣ монашество ничѣмъ не отличается отъ христіанства вообще, такъ какъ духовное совершенство есть всеобщая христіанская обязанность, во второмъ—оно является опредѣленнымъ путемъ исполненія этой общехристіанской обязанности. На основаніи этого, вопросъ о совмѣщеніи монашества съ пастырствомъ рѣшается самъ собою (въ отрицательномъ смыслѣ): пастырство есть дѣятельность *общественная*, требующая отъ пастыря и *духовнаго участія въ жизни мірянъ* и постояннаго *внѣшняго соотношенія съ людьми*, а монашество отъ всего этого требуетъ совершеннаго отрѣшенія“ (стр. 327). Полемикой съ статьею „Церковнаго Вѣстника“ (1889 г.), рѣшающею этотъ вопросъ отрицательно авторъ и заканчиваетъ свое сочиненіе.

Таково содержаніе разсматриваемаго сочиненія.

Начитанностію, обстоятельностью, ясностію, живостію изложенія и одушевленіемъ, съ какимъ авторъ относится, къ защищенію своей основной мысли, сочиненіе производитъ хорошее впечатлѣніе на читателя. Видно, что авторъ не только ознакомился съ своимъ предметомъ, но и глубоко заинтересовался имъ, выработалъ и выносилъ въ себѣ опредѣленное убѣжденіе. Это убѣжденіе онъ и старается внушить читателю, представляя ему то картины монашескихъ общежительныхъ братствъ, то свидѣтельства

авторитетныхъ отцевъ восточной церкви, сгруппированныя соот-
ственно основной его мысли. И къ чести автора нужно сказать,
что онъ почти достигъ своей цѣли и во всякомъ случаѣ выпол-
нилъ *свою* задачу съ успѣхомъ. Но его задача была нѣсколько
иная, а именно: представить воззрѣніе православной церкви на
монашество и указать задачи, которыя *она* ему ставитъ, а не воз-
зрѣвія личныя, хотя бы и основательно исторически аргумен-
тированныя. Свои же воззрѣнія на монашество Православная цер-
ковь выразила ясно и категорически въ своемъ каноническомъ
кодексѣ, примѣненіе основоположеній коего и составляетъ неиз-
мѣнную задачу всей исторической жизни монашества. Въ этомъ
кодексѣ есть между прочимъ слѣдующая тирада: „Два пути въ
жизни относительно сего предмета. Единъ *обыкновенный* и житей-
скій, то есть бракъ: *другой же ангельскій* и коего *нѣтъ превосход-
нѣе*, то есть дѣвство. Аще кто избралъ мірскій путь, то есть
бракъ: то не подлежитъ порицанію, но не получить *толкихъ да-
ровъ*, хотя впрочемъ получить нѣкіе, ибо и онъ приноситъ плодъ
тридесятикратный. Аще же кто воспріялъ чистый и премірный
путь, хотя путь его жесточе и труднѣе перваго, но таковой
пріемлетъ болѣе чудныя дарованія: ибо принесъ плодъ совершен-
ный *сторицный*. (Прав. св. Аванасія Александр. Кн. Правиль.).

Едва ли можно рѣшительнѣе и яснѣе выразить идею о превос-
ходствѣ дѣвства—какъ главной задачи монашества—предъ брачною
жизнію, чѣмъ какъ выражена она здѣсь (30: 100); а вмѣстѣ съ тѣмъ
едва ли потребно подвигать противъ автора и еще какое либо
каноническое оружіе для совершеннаго его пораженія. Промахъ
автора произошелъ вслѣдствіе невниманія его къ основоположе-
ніямъ каноническаго права о монашествѣ, гдѣ дано точное опредѣ-
леніе его духа и задачи. Вмѣсто того, чтобы раскрывать его
монашескими уставами и святоотеческимъ ученіемъ, авторъ взялся
самъ построить свое собственное опредѣленіе духа и задачи мо-
нашества; вмѣсто того, чтобы обстоятельно раскрыть ученіе пра-
вославной церкви о монашествѣ, авторъ представилъ „воззрѣніе
на монашество студента К. Торопова“:—не особенно важное прі-
обрѣтеніе для науки каноническаго права!

Принимая во вниманіе усердный трудъ автора по изученію пред-
мета, хотя и не вознаградившійся плодотворными результатами,
какъ искупающій вышеуказанный промахъ, признаю его достой-
нымъ степени кандидата“.

Ректора академіи архимандрита Антонія о сочиненіи студента

Ублинскаго Ивана: „Св. Григорій Богословъ, какъ пастырь и учитель о пастырствѣ“.

„Сравнительно небольшое сочиненіе, обладающее большими достоинствами и прежде всего краткостью и точностью изложенія. Послѣднихъ качествъ авторъ достигъ благодаря тому, между прочимъ, что изучалъ творенія св. Григорія цѣлыхъ три года для семестровыхъ сочиненій на смежныя съ теперешнею темы. Вотъ почему его изслѣдованіе очень немного теряетъ отъ того, что авторъ отвергъ всякія пособія при изложеніи, да и путемъ чтенія ознакомился только съ русскими, правда сравнительно немалочисленными. Главнымъ достоинствомъ сочиненія является то, что авторъ совершенно правильно постигъ и опредѣлилъ существеннѣйшія черты пастырскаго духа великаго Святителя, т. е. ту горячую любовь къ людямъ и ихъ духовному совершенствованію, которая свѣтилась въ его жизни и поученіяхъ такъ ярко, благодаря аскетическому настроенію св. Григорія, подвигами подвижничества удалявшаго изъ души всякое страстное омраченіе.

Самою удачною главой сочиненія является у автора вторая: „пастырская жизнь св. Григорія“; наименѣе удачной первая— „личность св. Григорія“, въ которой авторъ не сумѣлъ примирить его стремленія въ пустыню съ его ревностью объ общемъ спасеніи. Третья глава первой части: „пастырская дѣятельность св. Григорія“ разсматриваетъ предметы его проповѣди, но къ сожалѣнію мало касается событій его жизни. Вторая часть сочиненія содержитъ то же три главы: Ученіе св. Григорія 1) о пастырствѣ вообще 2) о пастырѣ и 3) о способахъ его воздѣйствія на совѣсть и на волю пасомыхъ. Изложеніе этихъ трехъ главъ чрезвычайно простое, но въ то же время весьма интересное и подѣ часть даже увлекательное: видно, что авторъ проникся сочувственнымъ благоговѣніемъ къ великому духу Учителя Церкви и постарался не только не упустить его важнѣйшихъ мыслей и изреченій по предмету Пастырскаго Богословія, но и изложить ихъ въ тѣсной внутренней связи и притомъ безъ утомительныхъ повтореній. Условія пастырскаго воздѣйствія по св. Григорію заключаются не въ пріемахъ внѣшнихъ, а въ любящемъ и просвѣтленномъ благодатью сердцѣ самого пастыря, понуждающемъ его изучить свою паству и прилагать полезнѣйшія для cadaго духовныя врачеванія. Достоинство изложевія взглядовъ св. Григорія заключается и въ томъ, что вопреки обыкновенію патрологовъ, авторъ избѣгаетъ въ части сочиненія повтореній изъ первой части, описываю-